

Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг.

СТИВЕН БРЭЙН

Университет штата Миссисипи, Старквилль, США; scbrain@history.msstate.edu

Перевод с английского М.В. Лоскутовой

В статье рассматривается история подготовки и последствия закона «О заповедниках», принятого в СССР 29 августа 1951 г. В соответствии с этим документом были ликвидированы 88 из 128 заповедников Советского Союза — особых охраняемых природных территорий, построенных на принципе полного невмешательства человека в природу. В литературе принято считать, что на принятии этого закона настаивало Министерство лесного хозяйства СССР, поскольку его руководство рассчитывало таким образом выполнить план по лесозаготовкам за счёт хозяйственной эксплуатации лесов, ранее входивших в состав заповедников. Однако анализ истории советского лесного дела показывает, что Министерство лесного хозяйства, хотя оно действительно играло главную роль в принятии этого документа, руководствовалось совершенно другими мотивами. Это ведомство было создано в 1948 г. с целью улучшить охрану лесов, оно не стремилось расширить экономическую эксплуатацию лесов в заповедниках, а напротив, надеялось внедрить другой подход к охране лесов, в основе которого лежали стремление увеличить площадь лесов водоохраной зоны и улучшить их состояние.

Ключевые слова: заповедники, охрана окружающей среды, лесное хозяйство, Советский Союз, Сталин

Все эксперты, занимавшиеся историей охраны природы в Советском Союзе, сходятся на том, что 29 августа 1951 г. стало поворотным моментом в судьбе заповедников. В этот день система охраняемых природных территорий, расположенных в разных концах страны и известных как заповедники, — а среди них были такие бесценные сокровища, как заповедник дикой природы «Аскания-Нова» на Украине, лесной массив «Тулские засеки», заповедник «Семь островов» на Баренцевом море, — была почти полностью уничтожена. В соответствии с законом «О заповедниках» их число сократилось со 128 до 40, а их общая площадь уменьшилась с 12 млн 500 тыс. до 1 млн 465 тыс. га (Pryde, 1972, p. 51). По мнению большинства исследователей, после вступления в силу этого закона от замечательных достижений Советского Союза в области охраны природы осталось лишь подобие былого. Сталин нанес сокрушительный удар по новаторскому подходу к изучению экосистем в условиях их полной неприкосновенности — подходу, предложенному в своё время Василием Докучаевым, разработанному Владимиром Станчинским и поддержанному Лениным.

В ретроспективе трагедия, порождённая законом «О заповедниках», усугубляется ещё и тем, что в первые десятилетия советской власти учёные, трудившиеся над созданием заповедников и разработкой принципов заповедного режима, достигли значительных успехов. Хотя первый заповедник был создан ещё до прихода большевиков к власти, именно последние превратили унаследованные ими от царского режима отдельные охраняемые природные территории в стройную развивающуюся систему — единственную в своем роде. Ещё со времен средневековья на Руси существовали отдельные

охраняемые леса и охотничьи угодья, но первая научно-исследовательская база, существовавшая в заповедном режиме (т. е. при полном изъятии территории из хозяйственного использования) и на средства государства, появилась летом 1892 г., когда министр императорского двора и уделов И.И. Воронцов-Дашков выделил В.В. Докучаеву 35 га целинной степи на территории современной Восточной Украины, в районе рек Деркула и Камышной (Опыт..., 1979; Красницкий, 1983)¹. По замыслу Докучаева, один участок ковыльной степи нужно было оставить нетронутым, стараться не допускать сюда вмешательства человека, чтобы выявить «значительное влияние, какое может оказать девственная растительность на жизнь и запас подземных и поверхностных вод» и, таким образом, установить, какую роль сыграл антропогенный фактор в катастрофической засухе 1891—1892 гг. (Stil'mark, 2003, p. 11)². После смерти Докучаева эта исследовательская станция была заброшена³, но в последние годы перед революцией идея создания заповедных территорий снова стала пропагандироваться такими учеными, как Вениамин и Андрей Семёновы-Тян-Шанские, Григорий Кожевников и Иван Бородин. Эти учёные указали на ряд мест, которые заслуживали введения охранного режима, но до революции все усилия исследователей привели к созданию лишь нескольких государственных заповедников — в их числе были Баргузинский охотничий заповедник на озере Байкал и зубровый заповедник на Кавказе в районе рек Малая и Большая Лаба. При советской власти сеть заповедных участков значительно разрослась: с 7 заповедников в 1925 г. до 15 — в 1933 г. и 128 — в 1951 г., когда был принят закон «О заповедниках» (Weiner, 2000, p. 251).

Как утверждают трое наиболее авторитетных авторов, писавших по данной теме, — российский биолог Феликс Робертович Штильмарк, украинец Владимир Борейко и американский историк Дуглас Уинер, закон «О заповедниках» стал не просто прологом к экологической катастрофе — он обозначил принципиальный сдвиг в советской истории, поскольку заповедники были для страны чем-то гораздо большим, чем просто охраняемые леса и поля, рассеянные по всему пространству СССР⁴. На экономическом и идеологическом уровне закрытие 88 заповедников означало, что советское правительство отказывается от своей давней традиции поддержки экологического мышления, сделав выбор в пользу идеологии покорения природы, которую выдвигали и пропагандировали такие псевдоучёные, как Трофим Лысенко. Как утверждают названные выше авторы, закрытие заповедников доказывает: несмотря на многообещающее начало, положенное делу охраны природы при Ленине, сталинская «революция сверху» была с таким напором нацелена на военно-промышленную модернизацию страны, что государственную поддержку в СССР могла получить лишь агрессивная экономическая эксплуатация её ресурсов. При Сталине, доказывают эти авторы, враждебное отношение к природе в целом, к непродуктивным, неосвоенным ландшафтам становится нормой.

¹ Старобельский заповедник был первым, получившим признание правительства, заповедник «Аскания-Нова», как утверждает В.Е. Борейко, уже в 1880-е гг. функционировал в соответствии с принципом заповедности (Борейко, 1994).

² Эта работа впервые была опубликована на русском языке (Штильмарк, 1999). Все цитаты даются в обратном переводе с английского издания, которым пользовался автор статьи.

³ О заповедном участке в Старобельской степи см.: Докучаев, 1951. Сегодня этот участок сохраняется в составе Юницкого ботанического заказника (Украина, Луганская область). О его судьбе см.: Борейко, 1998.

⁴ Помимо других работ, цитируемых в настоящей статье, следует назвать несколько особо значимых исследований этих трёх авторов (Борейко, 2003; Штильмарк, 2002; Weiner, 1992, p. 385—411).

На более глубоком уровне, как утверждают все трое исследователей, демонтаж советской системы заповедников имел огромный символический смысл. Дуглас Уинер приравнивает эту атаку на заповедники к прямой попытке государства ограничить свободомыслие. В интерпретации Уинера поддержка заповедников в СССР стала для «части образованного общества» попыткой «замедлить или даже приостановить молюх сталинской индустриализации и преобразования общества». Поддержка заповедников стала также «формой выражения несогласия с некоторыми аспектами политики в области промышленности и сельского хозяйства при сохранении внешней аполитичности» (Weiner, 1999, p. 3, 4). Поэтому заповедники в СССР были не просто огороженными участками земли или островками дикой природы — они были «уголками свободы» от гнёта тоталитарного режима. Борейко идёт ещё дальше, доказывая, что исходно за концепцией заповедника стояли исключительно этические, нравственные идеалы. «Заповедник, — пишет Борейко, — это особая территория, где любая дикая жизнь свята, имеет особый статус, находится под охраной, место, где царит дух благоговения перед жизнью» (Борейко, 2002, с. 210). С точки зрения Борейко, решение отказаться от заповедников было не просто политической ошибкой, это было нравственное падение, демонстрация всей подлости советского режима. Штильмарк не поддерживает полностью теорию Уинера, согласно которой заповедники были в СССР архипелагом свободы. В отличие от Борейко он также не осуждает безоговорочно, исходя из моральных убеждений, всю советскую модель. Однако и он утверждает, что значительное сокращение сети заповедников в 1950-е гг. указывает на опасные противоречия, заключавшиеся в самых основах советской системы:

«Заккрытие заповедников стало неизбежным не только в силу приземленных материалистических принципов, лежавших в основе эксплуататорского, деструктивного отношения советского общества к природной среде, но также и потому, что в этом обществе совмещались несовместимые принципы — защиты и эксплуатации, войны и мира, свободы и рабства» (Shtil'mark, 2003, p. 118).

Для Штильмарка отказ от поддержки заповедников с неизбежностью вытекал из тех противоречий, которые были неотъемлемо присущи советской системе, противоречий, которые позднее способствовали распаду Советского Союза. Таким образом, все трое авторов — по сходным причинам, хотя и при некотором различии в расстановке акцентов — видят в закрытии заповедников один из ключевых моментов в советской истории.

Все три автора также согласны в своих суждениях о том, кто именно несёт ответственность за закон «О заповедниках». И Уинер, и Борейко, и Штильмарк указывают на Министерство лесного хозяйства СССР и его главу Александра Ивановича Бовина, при котором во главу угла была поставлена все возрастающая потребность в лесоматериалах, как на главных виновников произошедшего. Штильмарк выражает сомнение в том, что «Маленков [второй секретарь ЦК ВКП(б)]... или любой другой член Политбюро взял бы на себя инициативу относительно заповедников», в то время как «среди специалистов лесного хозяйства безусловно не было недостатка в заинтересованных лицах» (Shtil'mark, 2003, p. 107). Уинер указывает на затяжной кризис в производстве лесоматериалов в СССР в послевоенный период, утверждая, что эта проблема «безусловно подтолкнула министра Бовина к тому, чтобы попытаться установить свой контроль над этими дополнительными восемью миллионами гектаров леса» (Weiner, 1999, p. 100). Для Штильмарка, Уинера и Борейко в принятии закона «О заповедниках» ещё большую роль, чем Министерство лесного хозяйства, сыграл союзник этого ведомства из среды специалистов в области лесохозяйственной науки

Александр Васильевич Малиновский. Последний добился своего назначения на пост руководителя Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР, а затем принялся за разрушение основ их системы. Как считает Уинер, в деле разрушения системы заповедников Малиновский служил просто «ширмой», подставным лицом, действовавшим в интересах противников охраняемых природных территорий, которые существовали и в Кремле, и в Минлесхозе. Сам же Малиновский, по мнению Уинера, был догматиком-сталинистом, для которого идея заповедника и заповедного режима была просто заумной теорией, непонятным идолом учёных (Weiner, 1999, p. 98, 105). Штильмарк в целом согласен с этой оценкой: Малиновский для него «тоже совершенно очевидно виновен» в разрушении системы заповедников; это человек, склонный публично похвалиться «по любому подходящему поводу тем, что он передал в хозяйственное использование около десяти миллионов гектаров ценных лесов» (Stil'mark, 2003, p. 117, 119). Уинер и Борейко в большей мере, нежели Штильмарк, подозревают также влияние партийного руководства: как пишет Штильмарк, он «не может согласиться с той трактовкой событий, которая предполагает, что установка разрушить систему заповедников исходила непосредственно от Сталина или Берии». Однако в общих чертах все три интерпретации сходятся: Министерство лесного хозяйства и его сторонники, стремясь не отставать от сталинских темпов преобразования экономики, желали получить заповедники в своё распоряжение ради дальнейшей индустриализации лесопользования⁵.

Такая трактовка, предложенная Штильмарком, Борейко и Уинером, хотя и основана на скрупулезных архивных исследованиях, огромном количестве интервью и, в случае Штильмарка, на его непосредственном опыте работы в заповедниках, тем не менее вызывает некоторые вопросы. Действительно, в своем анализе и Уинер, и Штильмарк признают, что с принятием решения о закрытии заповедников в 1951 г. связано ещё много неясного. Например, сложно объяснить, почему система заповедников так разрослась при Сталине, если сам он был их противником. В 1929 г., когда Сталин консолидировал свою власть, в стране существовало лишь 9 государственных заповедников, а к 1951 г. их было уже 128. Почему Сталин так долго ждал — почти до самого конца своего правления, — чтобы нанести по ним удар? Точно так же тезис о том, что сам принцип заповедника, заповедного режима входил в непримиримое противоречие с идеалами сталинизма, с трудом совмещается со смелой, открытой деятельностью активистов природоохранного движения в те годы. Разве могли сторонники заповедников так последовательно восстанавливать против себя правительство, выражая политическую позицию, которой, как утверждается, Сталин не сочувствовал, и при том почти за это не пострадать? Обсуждая эту проблему, Уинер признает, что «у нас нет удовлетворительного ответа на вопрос, почему природоохранное движение не было уничтожено», когда НКВД без труда беспощадно ликвидировало так много других групп, чья политическая

⁵ Кроме того, текст закона «О заповедниках», кажется, может служить дополнительным подтверждением того, что этот законодательный акт был направлен действительно на леса. Из 11 034 332 га, изъятых из системы заповедников, 9 214 200 га были покрыты лесом или пригодны к лесоразведению. (Пункт 6: «Обязать Министерство лесного хозяйства СССР принять в двухмесячный срок 5724,3 тыс. га лесов и неудобных земель упразднённых заповедников со всем имеющимся у них имуществом по балансу на 1 августа 1951 г., а также 3489,9 тыс. га лесов и неудобных земель, исключённых из состава сохраняемых заповедников, и представить в Совет Министров СССР предложения об организации лесного хозяйства в принятых лесах»). Из этого следует, что большинство других типов ландшафта, включая морские, арктические, степные и альпийские заповедники, оставались под охраной. Текст закона «О заповедниках» доступен на сайте: <http://www.ecoethics.ru/old/b61/59.html>

ориентация вызывала сомнения (Weiner, 1993, p. 3). Точно так же и Штильмарк, анализируя мотивы, вызвавшие появление закона «О заповедниках», в конечном счёте приходит в выводу: «Основные причины этой незабываемой трагедии кроются в социально-политической системе, которую мы пока еще не можем осмыслить» (Stil'mark, 2003, p. 119).

Новые архивные находки дают предварительный ответ на эти вопросы, показывая, что господствующая трактовка закона «О заповедниках» основана на трёх взаимосвязанных заблуждениях, относящихся к истории российского лесоводства и советского лесного хозяйства. Первое заблуждение связано с подходом Малиновского к лесному хозяйству. Этот подход нельзя считать порождением сталинизма (хотя у Малиновского он прекрасно совмещался со сталинизмом), скорее он восходит ещё ко взглядам Георгия Морозова (1867–1920) — специалиста в области лесоводства, учившего, что лесничие должны активно, но ненасильственно регулировать жизнь леса в соответствии с особыми биологическими потребностями, свойственными каждому лесному участку (подробнее см.: Brain, 2011; Калужный, 2004). Второе заблуждение касается отношения Сталина к охране природы, которое было не столь враждебным, как это принято считать в литературе. Безусловно, среди других государственных задач Сталин ставил на первое место ускоренную индустриализацию и модернизацию вооружённых сил — им он придавал гораздо большее значение, чем охране природы, но её отсутствие в списке приоритетных направлений ещё не означает враждебного отношения. На самом деле Сталин был достаточно восприимчив к идеям, связанным по крайней мере с одной из форм охраны природы, — защитой лесов, поскольку её сторонники ясно продемонстрировали ту экономическую выгоду, которую дают водоохранные зоны. Многолетняя поддержка, которую Сталин оказывал делу охраны лесов, связана с третьим заблуждением — ошибочной интерпретацией намерений Министерства лесного хозяйства СССР. Это ведомство было создано по указу Сталина в 1947 г. и упразднено сразу же после его смерти. Оно не столько занималось промышленной эксплуатацией лесов, сколько их охраной и защитой от вредителей и болезней. За свою короткую историю Минлесхоз действительно сыграл важную роль в сокращении числа заповедников, но причины, обусловившие его участие в их закрытии, были совсем другие, нежели те, что обычно называются в литературе. На самом деле борьба по вопросу о заповедниках была не столкновением прогрессивно мыслящих защитников природы с их близорукими противниками, а скорее противостоянием двух разных, но по своему последовательных подходов к охране окружающей среды. Одна сторона отстаивала концепцию полной неприкосновенности охраняемых территорий, другая — идею создания комплексных лесных участков, которые поддерживали бы гидрологический режим и тем самым способствовали бы экономическому развитию страны. Такой подход пропагандировался специалистами в области лесного хозяйства в Минлесхозе. История закона «О заповедниках», таким образом, это история Министерства лесного хозяйства, его создания, институционального развития и деятельности в тот короткий период на исходе сталинской эпохи, когда это ведомство определяло характер советской политики в области охраны окружающей среды⁶.

⁶ Наиболее авторитетные работы, посвящённые закону «О заповедниках», основное внимание уделяют именно политике Минлесхоза, в них подчеркивается привлекательность лесных заповедников с точки зрения промышленных лесозаготовок. Поэтому в настоящей статье в основном рассматриваются проблемы лесного хозяйства и судьба лесных заповедников. Автор надеется, что его работа стимулирует дальнейшее изучение истории морских, альпийских, степных и арктических заповедников в последние годы сталинского периода.

Министерство лесного хозяйства СССР было последней попыткой Сталина преодолеть кризис в организации советского лесного хозяйства, возникший вскоре после октябрьского переворота 1917 г. В первые годы советской власти лесное дело делилось на две разные сферы: собственно лесное хозяйство, которое занималось лесонасаждением и лесоводством (уход за лесами до достижения ими спелости), и лесную промышленность, занимавшуюся рубкой спелого леса, а также промышленной переработкой древесины. Лесное хозяйство считалось отраслью сельского хозяйства и находилось в ведении Наркомзема (Наркомата земледелия), в то время как лесная промышленность рассматривалась как промышленность и, соответственно, входила в компетенцию ВСНХ. В теории предполагалось, что ВСНХ должен был рассчитать ежегодные потребности страны в лесе и направить соответствующий запрос в Наркомзем, последнее ведомство в ответ должно было представить список лесов, созревших для заготовки древесины.

На практике эта система почти сразу же оказалась несостоятельной. Вместо сотрудничества два ведомства обвиняли друг на друга в развале работы. Наркомзем жаловался на то, что ВСНХ постоянно завышает свои потребности, поскольку его работники неэффективно и небрежно используют отведённые им для заготовок лесные участки, леса после них остаются в таком состоянии, что их естественного возобновления без дополнительных затрат труда не происходит. В то же время ВСНХ обвинял Наркомзем в том, что этот наркомат мешает промышленности выполнять план и, соответственно, вредит делу революции. Каждое из этих ведомств часто обращалось к правительству с просьбами отстранить другое. В августе 1918 г. ВСНХ первым попытался взять леса под полный контроль, направив предложение передать в своё ведение как лесоразведение, так и лесозаготовку⁷. Этот проект был отклонен Совнаркомом, но в последующие годы ВСНХ ещё не раз предпринимал подобные попытки. Помимо ВСНХ и Наркомзема многие другие ведомства, включая Наркомат путей сообщения и Красную армию, пытались влиять на политику в области лесного хозяйства. По словам одного специалиста в области лесного хозяйства, «Наркомфин считает леса своей собственностью, ВСНХ считает леса своей, Наркомзем — своей, а мы, лесничие, также своей»⁸. После того как попытки отстранить Наркомзем провалились, ВСНХ стал бороться с этим ведомством при помощи всяческих уловок и политических махинаций. Как утверждал в 1920 г. один из выступавших на конференции по лесному хозяйству, неграмотность ВСНХ в этих вопросах привела к «огромным потерям», когда же эти потери вскрылись, представители ВСНХ прибегли ко «всем возможным инсинуациям, ухищрениям, вплоть до политических наветов, обвиняя лесников контрреволюционной деятельности»⁹.

Результатом этого противостояния были хаос и разорение. Помимо межведомственного конфликта у советского правительства не хватало ресурсов, чтобы наладить лесное хозяйство: расходы на него в 1921 г. составляли всего 3 % от той суммы, которая была потрачена на него же в 1914 г.¹⁰ По оценке директора Лесного института в Петрограде

⁷ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 286. Л. 11.

⁸ Там же. Д. 1536. Л. 157.

⁹ Там же. Д. 1175. Л. 87. Следует отметить, что столкновение между ВСНХ и Наркомземом произошло не только из-за лесных ресурсов, но и из-за разного подхода ко многим другим секторам экономики, включая сельское и рыбное хозяйство. По этой проблеме существует обширная литература на русском и английском языках (см., напр.: Fitzpatrick, 1985; Argenbright, 2001; Heinzen, 1997; Josephson, 1988; Andrews, 2003).

¹⁰ Там же. Д. 209. Л. 25.

Э.Э. Керн, в 1918 г. Россия нуждалась в семи миллионах работников лесного хозяйства только для выполнения задач, поставленных центральными правительственными органами, не считая нужды транспорта, лесной промышленности и лесной торговли. Однако на деле имелась лишь одна десятая часть от этого показателя, и число работников сокращалось, а не возрастало (Керн, 1918). Для обхода огромных участков «надо иметь лосиные ноги», — жаловался один лесничий (Здорик, 1923, с. 28). В 1919 г. на всю Костромскую губернию приходилось 135 лесников, а в Уфимской губернии штаты оставались неукомплектованными на 98 %¹¹. В результате самые разные ведомства и организации занимались незаконными лесозаготовками, а Наркомзем вряд ли мог сделать что-то большее, кроме как жаловаться на них в ВСНХ, как он это делал в 1918 г.:

«Лесозаготовительные предприятия и организации в настоящее время развивались с такой большой множественностью... что невозможно не только давать им разрешение на работу, но даже просто наблюдать за ними. Все эти организации занимаются лесозаготовками независимо от надзора и без общего плана, часто сосредотачивая лесозаготовки в одних и тех же местах... создавая, в полном смысле слова, неразбериху»¹².

В Казанской губернии лесничие отмечали, что потребуется целых тридцать или сорок лет, пока леса оправятся от нанесённого им урона¹³.

В качестве ответной меры на протяжении 1920-х гг. Совнарком СССР постоянно расширял полномочия Наркомзема, тем самым придавая всё возрастающее значение охране лесов, несмотря на все протесты ВСНХ. Например, в 1926 г. ВСНХ обратился в Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции с требованием изучить деятельность Наркомзема за последние пять лет. Целью обращения было привлечь внимание к неудачам и промахам в работе этого ведомства, а возможно и усилить свои позиции за его счёт. Рабкрин отмечал решительность нападок ВСНХ, пытавшегося доказать, что Наркомзем не мог полностью удовлетворить нужды транспорта и лесной промышленности, в то время как, по мнению ВСНХ, существовавшая система должна была бы быть связана с планами промышленности¹⁴. ВСНХ утверждал, что подведомственные ему организации, занимавшиеся лесозаготовкой, запросили в 1925 г. 3 242 878 куб. саженей леса, однако Наркомзем выделил им всего 2 914 000 куб. саженей, или 89 % от запрошенного объема. Если Наркомзем не может обеспечить регулярное снабжение промышленности лесоматериалами в нужном количестве, настаивал ВСНХ, тогда леса нужно передать более эффективно работающему ведомству. Рабкрин полностью отмёл этот тезис, указав, что можно либо «удовлетворить ежегодные обращения ВСНХ [...] и соответственно пойти дальше вдоль линии полного уничтожения лесов», или же напротив, «ввести лесам области правильное лесное хозяйство», но совместить то и другое невозможно¹⁵. Сославшись на сходные заключения других органов власти, включая решения Высшего экономического совещания (ЭКОСО) от 18 мая и 3 сентября 1925 г., постановление Совнаркома, принятое в мае 1925 г., и постановление Президиума ВЦИК, принятое в июне 1925 г., Рабкрин

¹¹ Там же. Д. 201. Л. 17; Д. 1183. Л. 34.

¹² Там же. Д. 286. Л. 10.

¹³ Там же. Д. 200. Л. 20–21.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 162. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 7.

отказался удовлетворить требование ВСНХ и, напротив, поддержал право Наркомзема определять, какие лесные угодья будут доступны для эксплуатации. Рабкрин также заявил, «что представленный объем вообще уравновешен с потребностями государственных лесопользователей»¹⁶. Более того, Рабкрин подверг ВСНХ критике за постоянное завышение запросов на лесные угодья и непродуктивное их использование. По заключению Рабкринина, запросы ВСНХ превышали доступные ресурсы более чем на 1 млн куб. саженей, поэтому ВСНХ было рекомендовано усовершенствовать свои методы работы, а не требовать себе все больше и больше сырья¹⁷. Принятое в 1926 г. Рабкрином решение не было случайным явлением: к подобным выводам различные органы власти приходили на протяжении всего этого десятилетия.

Советское правительство отступило от своей поддержки дела охраны лесов только однажды, и это отступление было следствием принятия Первого пятилетнего плана. Ещё в январе 1929 г. Наркомзем мог отстаивать интересы охраны лесов, добиваясь снижения норм лесозаготовок¹⁸. Однако, когда в конце весны 1929 г. были подведены итоги лесозаготовок за сезон 1928–29 гг., неспособность Наркомзема обеспечить промышленность лесом уже невозможно было отрицать. На 1 января плановые показатели по лесозаготовкам были выполнены только на 17,9 %, а к 15 марта, когда заканчивался лесозаготовительный сезон, план был выполнен лишь на 48,7 % (Энде, 1929, с. 22). Вооружившись этими данными, ВСНХ выступил с теми же требованиями, что и ранее, но на сей раз с большим успехом. 12 июля 1929 г. Совет труда и обороны (СТО) реорганизовал лесное дело в стране, передав почти все леса в ведение ВСНХ. Наркомзему было приказано осуществить эту передачу в течение двух недель¹⁹. ВСНХ были поручены почти все задачи, ранее находившиеся в ведении Наркомзема, включая охрану лесов, организацию лесов и лесоустройство, расчистку старых лесозаготовительных участков, лесовозобновление и составление планов эксплуатации, а кроме того — и это имело принципиальное значение — определение размеров ежегодных порубок²⁰. В декабре 1930 г. Наркомзем потерял контроль над теми немногими лесами, которые остались в его ведении после реорганизации 1929 г., когда к ВСНХ перешло планирование и регулирование всего лесного хозяйства и лесной промышленности в СССР, а также весь государственный лесной фонд в союзных республиках, вся собственность и кредиты Наркомзема по управлению лесами, а также научные исследования и опытные лесничества в стране²¹. Все постановления в области охраны лесов, принятые Наркомземом с 1924 г., были отменены, а учётная стоимость лесных участков, на которых не производились лесозаготовки, была признана нулевой²². После того как леса оказались в полном распоряжении ВСНХ, их эксплуатация достигла беспрецедентных масштабов, особенно вблизи рек и железных дорог в центральной России. В 1930 г. в Ленинградской

¹⁶ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 9. Д. 162. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 65–70. В 1923 г. Рабкрин пришел к аналогичному заключению (Там же. Д. 165).

¹⁸ Показателем влиятельности Наркомзема может быть следующий случай: Госплан СССР предполагал тогда заготовить в Ленинградской области 38 млн м³ леса, в то время как Наркомзем рекомендовал снизить этот плановый показатель до 16 млн м³. В первом черновом варианте Первого пятилетнего плана значилось 17,9 млн м³ (Богославский, 1929, с. 4; Народный комиссариат земледелия РСФСР, 1929, с. 374–398).

¹⁹ РГАЭ. Ф. 5674. Оп. 1. Д. 37. Л. 54–56.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 23. Д. 297. Л. 8.

²² Там же.

области лесозаготовительными организациями было вырублено 147 % от ежегодного прироста леса, в Западной области — 225 %, в Московской области — 229 %, в Иваново-Вознесенской — 204 % (Состояние..., 1930, с. 77). В Рязанской области план по лесозаготовкам был выполнен на 46 лет вперёд. К концу 1931 г., на волне ускоренной индустриализации, предусмотренной Первым пятилетним планом, ВСНХ добился того, за что боролся с 1918 г., — он стал полновластным хозяином лесов Советского Союза.

Промышленность оказалась в выигрыше ненадолго. Спустя несколько месяцев учёные и лесоводы стали доказывать, что быстрое исчезновение лесов под началом ВСНХ опасно для гидрологического режима рек центральной России и потому несёт прямую угрозу индустриализации СССР. В 1929 г. глава Наркомзема А.И. Шульц предупреждал Госплан СССР: «В Украине Днепр — главная водная артерия. А если внезапно, в порыве революционного энтузиазма, [ВСНХ. — С.Б.] самопроизвольно постановил бы вырубить лес по бассейну Днепра... Это привело бы, возможно, к срыву Днепростроя. В конце концов, режим там регулирует вода»²³. В ответ на подобные предупреждения советское правительство стало придавать большее значение охране лесов, и Сталин играл здесь важную роль. 30 мая 1931 г. он вынес на обсуждение вопрос «о порядке лесозаготовок», дав указание Совнаркому СССР подготовить «в месячный срок... проект закона о полном запрещении рубить лес в некоторых районах, с целью сберечь воду в реках»²⁴. В конце июля Совнарком принял соответствующий закон, поделивший леса СССР на «зону лесной промышленности», которая оставалась в ведении ВСНХ, и особо значимую с точки зрения гидрологии «зону лесоразведения» — последняя, в свою очередь, частично была возвращена Наркомзему, а другая её часть оставалась в ведении ВСНХ, но под надзором Наркомзема. Независимо от того, какое из этих двух ведомств непосредственно управляло лесами, вырубать деревья в километровой зоне по обоим берегам таких рек, как Волга, Днепр и Дон, было полностью запрещено.

Несмотря на протесты ВСНХ, полномочия лесоохранных учреждений не уменьшались, а наоборот, лишь возрастали на протяжении оставшихся лет сталинской эпохи. Например, летом 1932 г. ВСНХ потребовал передать в его ведение леса Украины, но Совнарком СССР сразу же пресек эту попытку, сославшись на исключительное значение лесоводства на Украине для развития сельского хозяйства и водного режима её рек²⁵. Политбюро признавало, что на Наркомзем и так была возложена сложнейшая задача коллективизации сельского хозяйства, и потому этот наркомат не справлялся с задачей охраны лесов. Поэтому в 1936 г. было создано новое, гораздо более мощное ведомство — Главное управление лесоохраны и лесонасаждения (ГЛО). Тогда же была значительно расширена лесоохранная зона, получившая с тех пор название водоохранных лесов. Перед ГЛО было поставлено лишь четыре задачи: разведение лесов в районе водоохранных зон, организация здесь всего лесного хозяйства, их охрана от незаконных порубок и борьба с лесными пожарами и вредителями²⁶. Начальник ГЛО и два его заместителя назначались Совнаркомом СССР, которому непосредственно подчинялось и перед которым только и несло ответственность новое ведомство²⁷. Реальное могущество ГЛО соответствовало размеру лесов, которыми оно управляло: водоохранные зоны включали

²³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 27. Д. 453. Л. 136.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 790. Л. 58.

²⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 70. Л. 44.

²⁶ РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Предисловие. Л. 1.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 10. Л. 277.

все лесные массивы, расположенные в бассейнах рек Волги, Дона, Днепра, Урала, верхнего течения Западной Двины, в Винницкой и Одесской областях УССР. Эти зоны простирались не на один, а на двадцать километров по обе стороны Дона, Волги, Днепра, Урала и Западной Двины, на шесть километров по сторонам их основных притоков и на четыре километра от берегов малых притоков²⁸. Эта охраняемая территория охватывала 51 737 700 га, или третью часть всех лесов европейской части страны. По словам заместителя начальника ГЛО, реорганизация советского лесоводства «развивалась под непосредственным руководством и при непосредственном участии самого Сталина»²⁹.

Учреждение ГЛО заложило прочную институциональную основу для развития теории и практики охраны леса и позволило сформироваться в системе советских органов государственного управления целому сообществу специалистов лесного хозяйства, преданных делу охраны леса. ГЛО издавало свой собственный журнал «За защиту леса» и ежемесячно публиковало статьи с изложением последних научных открытий в области лесонасаждения и лесоохраны, а также проблем гидрологии. Кроме того, ГЛО разработало свои собственные положения и инструкции для охраны лесов, основанные на принципах экологии. В 1938 г. лесной инженер Александр Васильевич Малиновский — тот самый Малиновский, который позднее возглавит управление заповедниками, — составил инструкции по лесоводству в водоохраных лесах. Этим документом работникам лесного хозяйства предписывалось изучать типы лесонасаждений, типы почв, климатические условия, эстетический вид леса для разработки более эффективных приемов и методов лесоводства, что позволило бы в результате получить здоровые леса, обеспечивающие благоприятный гидрологический режим³⁰. Важно отметить, что Малиновский прямо писал о значении фактора красоты для оценки здоровья леса, он разъяснял работникам этой отрасли, как нужно разводить красивые леса, поскольку красота, с его точки зрения, указывала на здоровые леса, а здоровые леса живут дольше³¹. С течением времени численность сотрудников ГЛО возросла, поскольку для выполнения предписаний Малиновского требовались новые специалисты: в 1939 г. были созданы три новых региональных отделения³². Бюджет ГЛО постоянно увеличивался — с 465 440 988 руб. в 1937 г. до 843 883 442 руб. в 1938 г. — иными словами, лишь за один этот год прирост составил 81 %³³. 23 апреля 1943 г. полномочия ГЛО расширились ещё больше, когда Совнарком СССР уточнил цели лесоохраны в стране, поделив леса на три группы, из которых первые две были защищены от промышленной эксплуатации. В первую группу отошли леса в государственных заповедниках, почвозащитные, полезащитные и курортные леса, леса зелёных зон вокруг промышленных предприятий и городов, а также ленточные боры Западной Сибири и степные леса³⁴. В этих лесах разрешались только санитарные рубки и рубка перезревшей древесины, а полная вырубка деревьев с любой целью была запрещена. Во вторую группу попали леса в Казахской, Узбекской, Таджикской и Туркмен-

²⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 17. Д. 8. Л. 142–144.

²⁹ РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Д. 1984. Л. 3.

³⁰ РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Д. 659. Л. 34. Рассуждения Малиновского о красоте см.: Там же. Д. 661. Л. 27.

³¹ Там же. Д. 661. Л. 27.

³² РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Д. 664. Л. 1–2.

³³ РГАЭ. Ф. 9449. Оп. 1. Д. 654. Л. 27.

³⁴ Там же. Ф. 9466. Оп. 5. Д. 323. Л. 1–2. В третью группу были отнесены все остальные леса, в которых не было никаких ограничений по лесозаготовкам.

ской республиках, Мордовской, Чувашской, Башкирской, Татарской и Марийской автономных республиках, а также леса, расположенные на левом берегу реки Волги в Ивановской и Ярославской областях, в Челябинской, Курганской и Чкаловской областях. Здесь с санкции Совнаркома разрешалось вырубать лес лишь в объёмах, не превышающих его годовой прирост. Леса первой и второй групп оставались под началом ГЛО и в совокупности охватывали гигантское пространство. Сюда попали 100 % лесов Московской, Тульской, Воронежской, Курской, Орловской, Брянской, Калужской, Смоленской, Владимирской, Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Ульяновской, Куйбышевской, Саратовской, Ростовской и Сталинградской областей³⁵.

Последний шаг в сторону расширения охранных зон и ужесточения охранного режима был сделан в 1947 г., когда ГЛО было преобразовано в Министерство лесного хозяйства (Минлесхоз) СССР — ведомство, отобравшее у Министерства лесной промышленности (Минлеспром — наследник ВСНХ) СССР контроль над лесами Советского Союза. В 1940-е гг. Совет Министров СССР неоднократно выносил порицание Минлеспрому за невыполнение планов. После трёх лет подряд, когда это ведомство не справлялось с поставленными задачами, Совмин сделал то, чем угрожал ранее, и превратил Минлеспром в структурное подразделение в составе Минлесхоза. От последнего, однако, не потребовали увеличить объёмы продукции или лучше справляться с плановыми показателями. Напротив, Совет Министров СССР разъярился, что создание единого ведомства, отвечающего за лесоохрану, было необходимо, поскольку до 1947 г. лесной фонд распределялся между многими министерствами и ведомствами, что приводило к неправильной эксплуатации леса, хищнической рубке незрелых участков и к вырубке делового леса на топливо. В результате несистематических рубок нарушалась водоохранная и почвозащитная роль леса, а вырубка участков вдоль берегов рек пагубно сказывалась на гидрологическом режиме³⁶.

Именно путаница с реорганизацией Минлесхоза и Минлеспрома и породила ошибочную трактовку закона «О заповедниках». Большинство авторов не понимают, что Минлесхоз и Минлеспром были не союзниками, а напротив — соперниками в межведомственной борьбе, их цели и самый дух этих ведомств были принципиально разными.

Руководство и сотрудники Минлесхоза были в целом теми же, что и в ГЛО, они также придавали особое значение здоровью лесонасаждений и охране лесов, они тоже стремились к тому, чтобы перенести промышленную эксплуатацию лесов из центральной части страны на Крайний Север, Дальний Восток и в Сибирь. За шесть лет своего существования Минлесхоз последовательно стремился развивать работу, начатую ГЛО. За это время Минлесхоз представил в Совет Министров СССР сорок шесть обращений с требованием о переводе тех или иных лесных массивов в первую группу, и все они были удовлетворены. Во многих случаях эти леса занимали достаточно небольшую площадь, как например, это было 15 мая 1950 г., когда в данную категорию был зачислен один гектар леса в Воронежской области, но иной раз передавались и большие лесные массивы — в девяти случаях площадь переводимых в первую группу лесов превышала сто тысяч гектаров³⁷. Всего в первую группу за время существования Минлесхоза было переведено до нескольких миллионов гектаров. Только в одном 1950 г., по данным отчёта Минлесхоза за этот год, «из второй и третьей групп в первую

³⁵ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 5. Д. 207. Л. 25–35.

³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 226. Л. 1.

³⁷ Там же. Оп. 5. Д. 323. Л. 4–60.

группу переведено 3 540 000 гектаров» — площадь, большая, чем все леса Соединенного Королевства³⁸. Выросла и площадь лесов второй группы. В апреле 1948 г. Минлесхоз перевёл из третьей во вторую группу 2,8 млн га леса — из них более 0,5 млн лишь в одной Ленинградской области. В то же время объёмы финансирования этого ведомства всё увеличивались: в 1948 г. Минлесхозу было выделено 428 млн руб., в 1949 г. — 510 млн, в 1950 г. — 798 млн, в 1951 г. — 519 млн, в 1952 г. — снова 519 млн³⁹. Возможности Минлесхоза по усилению лесоохраны были так велики, что порой ему удавалось даже оспаривать постановления Совета Министров СССР. Например, 27 сентября 1951 г. на постановление Совмина, обязывавшее Министерство лесного хозяйства СССР выделить лесозаготовительные участки в Тульской области с целью уничтожения повреждённых или перезревших лесонасаждений, Минлесхоз отвечал: «учитывая истощение зрелых лесонасаждений в Тульской области... Минлесхоз не находит возможным ставить перед Советом Министров СССР вопрос о разрешении лесозаготовок 35 000 м³ перезрелого леса выше фондов, определенных для Тульской области на 1951 г.»⁴⁰.

Появление закона «О заповедниках» стало возможным благодаря значительно возросшему могуществу Минлесхоза, однако это ведомство отнюдь не стремилось ликвидировать заповедники ради наращивания объемов лесозаготовок. Напротив, Минлесхоз добивался того, чтобы ввести в заповедниках новые, более активные методы управления, которые соответствовали бы цели и задачам ГЛЮ — улучшить состояние лесов в центральной России, перенести лесозаготовки в удалённые районы, гидрологическому режиму в которых не придавалось особого значения. Статистика лесозаготовок Минлесхоза подтверждает наше утверждение. В течение первых трёх лесозаготовительных кампаний Минлесхоза, с 1948 по 1951 г., общий объём лесозаготовок возрос всего на 5,7 %, с 261 млн 900 тыс. м³ до 277 млн 200 тыс. м³, в то время как лесозаготовки в лесах первой и второй группы сократились в объеме с 114 млн 900 тыс. м³ до 96 млн 700 тыс. м³⁴¹.

Добиваться сокращения числа заповедников Минлесхоз побуждало стремление улучшить состояние лесов, а отнюдь не потребность в лесоматериалах. Минлесхоз доказывал: принцип заповедности не позволит работникам очищать лес от мёртвых деревьев или делать пожарные просеки, и в результате заповедники превращаются в рассадники вредных насекомых и болезней растений, а также в очаг лесных пожаров. В 1950 г. Минлесхоз направил в Совет Министров СССР доклад, в котором проблема заповедников была изложена так, как её видели в этом ведомстве:

«В 1950 г., в порядке надзора, Министерство лесного хозяйства провело изучение качества лесного хозяйства в государственных заповедниках на площади 961 100 гектаров, и исследование не показало никакого улучшения по сравнению с 1949 г. Меры по лесовозобновлению осуществляются в крайне незначительных объемах... и лесоохрана организована слабо. Противопожарные меры не защищают лес от пожаров, и в результате Ильменский и Читинский заповедники значительно пострадали от пожаров. Патрулирование с воздуха, лучшая мера защиты лесов от пожаров, не проводится вовсе или проводится в ограниченных объемах»⁴².

³⁸ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 1. Д. 2526. Л. 3.

³⁹ ГАРФ. Ф. А-337. Оп. 1. Д. 1364, 1381, 1407, 1433, 1467, 1500.

⁴⁰ Там же. Д. 146. Л. 208.

⁴¹ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 5. Д. 273. Л. 11.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 2526. Л. 10-11.

В других случаях заповедный режим приводил «ценные лесные массивы в крайне неудовлетворительное санитарное состояние», леса были поражены болезнями и вредителями⁴³. Иной раз принцип заповедности прямо приводил к снижению водоохраных свойств леса. Например, в Бузулукском заповеднике в Чкаловской области перенос лесопилок в сторону от реки привёл к понижению уровня воды в окрестных водоёмах, из-за чего значительная часть молодых и зрелых насаждений погибла⁴⁴. Точно так же в заповеднике «Тульские засеки», одной из задач которого было служить местом обитания для лосей, политика полной неприкосновенности привела к тому, что лес стал слишком густым для этих животных и их популяция в результате сократилась (Weiner, 1999, p. 115). Для решения этих проблем глава Минлесхоза предлагал простые профилактические меры: а) проведение работ по лесонасаждению в безлесных районах; б) проведение мероприятий по санитарной рубке поваленных деревьев и мёртвого, населённого вредителями леса⁴⁵. Однако все эти действия нарушали идею заповедности, и потому были недопустимы.

Итак, чтобы изменить существующий порядок, Минлесхоз начал оказывать давление на Совет Министров СССР. Примеры этого давления в большом количестве встречаются в отчётах, представленных ещё в 1948 г. Уже тогда Минлесхоз выражал свою обеспокоенность тем, что «мероприятия по лесовозобновлению в заповедниках проводятся в крайне незначительных объёмах, с одной стороны, из-за отсутствия финансирования работ по лесонасаждению, а с другой, из-за сложившегося среди многих руководителей заповедников представления о неприемлемости человеческого вмешательства в естественные условия заповедника»⁴⁶. К 1951 г. стремление Минлесхоза изменить правила лесного хозяйства стало весьма целенаправленным, как это видно из следующего отрывка из отчёта этого года, относящегося к лесам первой группы на территории Украины:

«По итогам изучения состояния лесного хозяйства в государственных заповедниках Минлесхоз СССР считает, что полная заповедность, распространяющаяся в равной степени на все объекты заповедника в некоторых случаях мешает реализации важных задач, особенно касающихся лесных заповедников, где охрана и восстановление ценных и редких видов возможны лишь при активном вмешательстве в жизнь леса. В государственных заповедниках, где главными объектами заповедности являются леса, необходимо, в целях восстановления редких ценных лесных видов допустить активные мероприятия по переустройству существующих лесонасаждений»⁴⁷.

Этот отрывок из отчёта был направлен письмом непосредственно Григорию Маленкову⁴⁸. Хотя в данном письме позиция Минлесхоза была изложена в несколько завуалированном виде, это ведомство порой достаточно откровенно излагало свои требования, как это было, например, сделано в отчёте о состоянии лесов, представленном в Совет Министров СССР в том же 1951 г.: «Минлесхоз считает возможным ликвидировать часть заповедников с передачей лесов в Государственный лесной фонд, с причислением их к лесам

⁴³ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 5. Д. 337. Л. 124.

⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 431. Л. 142–145.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 5418. Л. 20.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 1. Д. 2526. Л. 10.

⁴⁷ Там же. Оп. 5. Д. 339. Л. 42.

⁴⁸ Там же. Д. 329. Л. 96.

первой или второй группы, в зависимости от назначения этих лесов»⁴⁹. Позднее, благодаря подобным отчётам и усилиям Малиновского, Минлесхозу удалось добиться принятия закона «О заповедниках».

Отмена заповедного режима, однако, не привела к массовому уничтожению лесов. Лесные заповедники в европейской части страны были обращены не в делянки для лесозаготовок, а в охраняемые леса с несколько иными принципами управления. Как отмечает Дуглас Уинер, все без исключения заповедники Литвы были превращены в леса первой группы, которые оказались тем самым недостижимыми для промышленной эксплуатации (Weiner, 1999, p. 131). По данным Штильмарка, только в отдалённых регионах — Кроноцком, Читинском, Саяно-Алтайском, Кондо-Сосвинском, Лапландском и Центрально-Сахалинском заповедниках — леса были причислены к третьей группе. В остальных леса попали в первую или вторую группу, то есть в категорию охраняемых лесов. Вскоре после смерти Сталина Минлесхоз был ликвидирован, и леса сначала вернули в ведение Министерства сельского хозяйства СССР, а затем при Хрущеве и Брежневе их ещё не раз переводили из одного ведомства в другое, но леса первой и второй групп при этом оставались охраняемыми лесами, а их площадь даже продолжала увеличиваться в советский период. В пост-сталинский период заповедники также пережили что-то похожее на возрождение, что ещё больше смягчило урон, нанесённый законом «О заповедниках». Любопытно отметить, что после 1953 г. многие леса первой и второй групп на деле стали заповедниками, поскольку ликвидация Минлесхоза означала исчезновение ведомства, более других стремившегося проводить санитарные рубки — меру, которую поддерживал Малиновский. В 1960–1970-е гг. водоохранные леса по-прежнему были недоступны для промышленных лесозаготовок, но им очень часто позволяли стареть и становиться экономически непродуктивными, хотя, возможно, это и способствовало повышению биоразнообразия⁵⁰.

Значительное влияние Минлесхоза в начале 1950-х гг., обусловленное непосредственной поддержкой Сталина, помогает объяснить успех Малиновского и этого ведомства, добившихся в августе 1951 г. сокращения системы заповедников. Однако цель Минлесхоза состояла не в том, чтобы расширить масштабы промышленной эксплуатации леса, а в том, чтобы установить иной подход к управлению лесами в центральной части страны. Вместо полной неприкосновенности дикой природы предлагалось сотрудничество с ней: человеческое вмешательство в жизнь леса должно было максимально способствовать стабилизации гидрологического режима Центральной России. Закон «О заповедниках» не был направлен против окружающей среды, скорее он был одним из проявлений необычной формы движения за защиту окружающей среды, характерной для сталинизма. Этот подход к природе предполагал охрану и даже сбережение лесных пространств, но не ради их красоты или для отдыха и развлечения человека, а для того, чтобы обеспечить успех индустриализации. Закон «О заповедниках» вовсе не знаменовал собою тот момент, когда Советский Союз окончательно отказался от идеи охраны окружающей среды, — возможно, принятие этого закона показывало, что сталинский подход к охране окружающей среды находился тогда на пике своего влияния.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 9466. Оп. 5. Д. 329. Л. 80.

⁵⁰ Перезрелость лесов первой и второй групп отмечалась исследователями (см., к примеру: Barr, Braden, 1988).

Литература

- Богославский С.А.* Финляндский метод учёта лесных ресурсов // Лесное хозяйство. 1929. № 2–3. С. 3–27.
- Борейко В.Е.* Аскания-Нова: тяжкие версты истории 1826–1997. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1994. 157 с.
- Борейко В.Е.* Старобельский степной заповедный участок, выделенный В.В. Докучаевым, — существует! // Степной бюллетень. 1998. № 2. (URL: <http://savesteppe.org/ru/archives/5432>).
- Борейко В.Е.* История заповедного дела в Украине. 2-е изд. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2002. 272 с.
- Борейко В.Е.* Белые пятна природоохраны. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2003. 292 с.
- Докучаев В.В.* Особая экспедиция, снаряженная Лесным департаментом, под руководством профессора Докучаева // Докучаев В.В. Сочинения. Т. 6. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 118–122.
- Здорик М.* Лесное хозяйство // Лесное хозяйство и охота. 1923. № 2 (Январь). С. 27–32.
- Каложный Г.* Жизнь Г.Ф. Морозова. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. 414 с.
- Керн Э.Э.* Насущные нужды русского лесного хозяйства // Лесное дело. 1918. № 1. С. 6–10.
- Красницкий А.М.* Проблемы заповедного дела. М.: Лесная промышленность, 1983. 191 с.
- Народный Комиссариат Земледелия РСФСР. Материалы по перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства (1928/29–1932/22 гг.). Ч. 11: Лесное хозяйство. М.: Новая деревня, 1929.
- Опыт работы и задачи заповедников СССР / отв. ред. А.А. Насимович. М.: Наука, 1979. 198 с.
- Состояние лесной промышленности // Лесное хозяйство и лесная промышленность. 1930. № 84–85. С. 77–79.
- Штильмарк Ф.Р.* Историография российских заповедников, 1895–1995. М.: Логата, 1995. 339 с.
- Штильмарк Ф.* На службе природе и науке: документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали. М.: Логата, 2002. 159 с.
- Энде В.* Ход лесозаготовок // Лесовод. 1929. № 3. С. 21–24.
- Состояние лесной промышленности // Лесное хозяйство и лесная промышленность. 1930. № 84–85. С. 77–79.
- Andrews J.* Science for the Masses: The Bolshevik State, Public Science, and the Popular Imagination in Soviet Russia, 1917–1934. College Station, TX: Texas A&M Press, 2003. XII + 234 p.
- Argenbright R.* Marking NEP's Slippery Path: The Krasnoshchenkov Show Trial // Russian Review. 2001. №. 61. P. 249–275.
- Barr B., Braden K.* The Disappearing Russian Forest: A Dilemma in Soviet Resource Management. Totowa, NJ: Rowman and Littlefield Publishers, 1988. XVIII + 252 p.
- Brain S.* Song of the Forest: Russian forestry and Stalinist environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. VIII + 232 p.
- Fitzpatrick Sh.* Ordzhonikidze's Takeover of Veseenkha: A Case Study in Soviet Bureaucratic Politics // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. №. 2. P. 153–172.
- Heinzen J.W.* 'Alien' Personnel in the Soviet State: The People's Commissariat of Agriculture under Proletarian Dictatorship, 1918–1929 // Slavic Review. 1997. Vol. 56. №. 1. P. 73–100.
- Josephson P.* Science Policy in the Soviet Union, 1917–1927 // Minerva. 1988. Vol. 26. №. 3. P. 342–369.
- Pryde Ph.* Conservation in the Soviet Union. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1972. XV + 301 p.
- Shtil'mark F.R.* History of the Russian Zapovedniks, 1895–1995. Edinburgh: Russian Nature Press, 2003. XII + 308 p.
- Weiner D.* Demythologizing Environmentalism // Journal of the History of Biology. 1992. Vol. 25. №. 3. P. 385–411.
- Weiner D.* A Little Corner of Freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev Berkeley, CA: University of California Press, 1999. XIV + 556 p.
- Weiner D.* Models of Nature: ecology, conservation, and cultural revolution in Soviet Russia. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2000. XII + 234 p.

The Destruction of the *Zapovedniki* Revisited

STEPHEN BRAIN

Mississippi State University, Starkville, USA, scbrain@history.msstate.edu

This essay examines “*O zapovednikakh*,” the law passed by Stalin’s government on August 29, 1951 authorizing the elimination of 88 of the Soviet Union’s 128 *zapovedniki*, its special nature preserves dedicated to the concept of strict inviolability. The predominant explanation for “*O zapovednikakh*” holds that the Soviet Ministry of Forestry was the motive force behind the decision, because forestry bureaucrats hoped to meet their quotas by accessing the timber of the nature preserves. An analysis of Soviet forest history, however, shows that although the Ministry of Forestry did play a central role in the development of “*O zapovednikakh*,” its motives have been misconstrued. The Ministry of Forestry, created in 1948 to improve forest conservation, did not push for increased economic exploitation in the *zapovedniki*, but instead hoped to implement a different conservation vision, based upon maximized hydrological function and forest health.

Keywords: Zapovedniks, Environmentalism, Forestry, Conservationism, Soviet Union, Stalin